

В армии господствует воровство, поэтому солдат так плохо кормят.¹ Солдатам некому пожаловаться — их челобитная не дойдет до царя, командиры «обыщут солдатуськов несчастных» и «изорвут гербовую бумажоньку».²

Нарисовав живую картину дореформенной армии и флота,³ осмыслив тяготы «казенного человека» как результат социального (государственного) гнета, Федосова призывает гнев божий на головы насильников и притеснителей,⁴ она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой обриваются головы рекрутов:

Быдьте прокляты злодии — супостаты!
Вергай — скрбзь землю ты нехристь вся поганая;

И кабы — мне да это бритва наостренная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорала бы я груди этой некрести...

(II, стр. 74—75)

Если в «Плаче о старосте» Федосова гневно проклинала «судей неправосудных», олицетворяющих в ее сознании бедствия пореформенных лет, призывала на их головы «божий гнев», страстно желала им всех несчастий, какие только может пережить человек, то здесь крестьянский протест против несправедливостей общественного строя пореформенной России находит свое предельное выражение. Строки, процитированные выше, могли быть начертаны на знамени любого крестьянского «бунта» 60—70-х гг. XIX века.

Г Л А В А 5

Во всех рассмотренных выше случаях социальные антагонисты крестьянства или определенных его групп выступают (или познаются) в качестве виновников несчастья — смерти, отправки в солдаты, страданий солдата, несчастий осиротевшей семьи и т. д. Индивидуальное, единичное несчастье осмысливается при этом как социально-типичное, характерное для всего крестьянства. Это, безусловно, основная линия развития социального

¹ Т. II, стр. 203.

² Там же, стр. 225.

³ О флоте см. стр. 77—78.

⁴ Там же, стр. 32.

протеста в творчестве Федосовой, но она не исчерпывает всех сторон социального осмысления крестьянского горя в ее творчестве.¹ Власти — «судьи неправосудные», олицетворяющие социально-враждебную силу, подчас не только виновны в несчастьи, но и стремятся всячески воспользоваться несчастьем крестьянской семьи в корыстных целях. Мало того — они глумятся над горем осиротевшей семьи, бесчеловечно оскорбляют горящих и т. д. Глумление «начальства» над несчастьем приобретает различные формы, но чаще всего оно связано с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере, внезапной смертью ребенка, поражением молнией, смертью от запоя и т. д. Судебные и полицейские власти грозят семье судебным следствием (хотя причина смерти совершенно ясна), нарочито подозревают горящих в умерщвлении покойного, угрожают судебно-медицинским вскрытием тела и т. д.

Чуткое ухо Некрасова не могло не уловить предельной трагичности этой темы в творчестве Федосовой. В эпизоде «смерть Демушки» в главе «Крестьянка» эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов, как уже отмечалось, обобщил эту тему Федосовой и довел ее разработку до логического конца, найдя для нее самостоятельное сюжетное воплощение.² Вместе с тем «смерть Демушки» — не только обобщение социального и психологического смысла этой темы у Федосовой, но и продолжение известной литературной традиции. В этом отношении эпизод с Демушкой перекликается с известным стихотворением Некрасова «Похороны» (1861 г.).

Укажу еще на один классический пример изображения выжимания взяток под угрозой следствия о «мертвом теле». В XV главе «Былого и дум» А. И. Герцен дважды рассказывает о подобных случаях: «Начнется следствие о мертвом теле какого-нибудь пьяницы, сгоревшего от вина и замерзнувшего от мороза, — пишет А. И. Герцен, — и голова собирает, староста собирает,

¹ Социальное осмысление рекрутчины и солдатчины в пору затянувшейся военной реформы 60—70-х гг. развивается не только в указанном плане, Федосова хорошо понимает и социальную роль рекрутчины в самой деревенской жизни. Этот аспект рекрутско-солдатской темы будет анализироваться нами в 5 главе.

² См. об этом ч. I, стр. 104.

мужики несут последнюю копейку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить да и жену содержать; советнику надобно жить да и детей воспитывать; советник — примерный отец...».¹ И далее рассказывается о том, как исправники и становые поступают в таких случаях: «Попадется ли мертвое тело исправнику со становым, они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням, и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются».²

Постоянный страх перед судебным следствием преследует горюющих родственников во многих плачах Федосовой. Среди них следует прежде всего назвать «Плач об убитом громом-молнией» (№ 16), «Плач об у пьянсливой головушке» (№ 19), «Плач о потопших» (№ 17) и «Плач о попе — отце духовном» (№ 22). Этим страхом пользуются «судьи неправосудные», запугивают крестьян, вымогают взятки.

Однако для Федосовой важно осудить не только выжимание взяток, но, прежде всего, оскорбление чувства горюющих допросом, невыносимое для них надругательство над дорогим телом покойного. Крестьянки в текстах Федосовой готовы откупиться всем, лишь бы избежать глумления. Поэтому в текстах Федосовой нет ни одного случая, когда бы они не откупались от грозящего следствия.

«Неестественная» смерть крестьянина грозит несчастьем всей общине. В «Плаче об убитом громом-молнией» (№ 16) овдовевшая возвращается в село и объявляет о своем горе:

Объявила тут сусеям спорядовым,
Как наделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным,
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли.³

То же и в «Плаче об у пьянсливой головушке» (№ 19):

Удивились все спорядные суседушки,
Што незгода сочинилась вдруг великая;

¹ Герцен А. И., Былое и думы, ГИХЛ, Л., 1946, стр. 135. Ср. у А. С. Пушкина в стихотворении «Утопленник»:

Суд наедет, отвечай-ка,
С ним я ввек не разберусь...

² Там же, стр. 141.

³ Барсов, т. I, стр. 249.

Проклинают его добры эти людюшки,
Што наделал суматохи он всему миру;
Беспокоится по темным наб по ноченькам,
Наб сидеть им тут у тела запитуемого,
Наб отправить объявление во Петров город,
Наб преложить-то ведь лекаря умильного
Ко этому телу его мертвому.¹

Поэтому соседи не только из сострадания, но и из стремления предотвратить нежелательный для всей деревни приезд властей, советуют вдове откупиться, дать взятку начальству, предупредить начало следствия:

Приедут как судьи неправосудныи,
Будут патрошить надежную головушку,
По частям резать по мелким кусочкам;
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут то сердечушко ретливое,
У тебя тут у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий бедна любимой покругушки,
Заложи — снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Забери да золотой казны бессчетной:

Штоб надежоньку твою не патрушили,
Штоб белой его груди не пороли,
Штоб сердечушко его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья.

(стр. 249—250)

В «Плаче о потопших» (№ 17) оскорбительность допроса показана с особенной силой. Девушка, перенесшая гибель отца и брата, скитавшаяся по безлюдному острову в ожидании голодной смерти, спасена рыбаками и радуется своему возвращению. Но как только она появилась на берегу,

Все собралися суседи спорядовныи,
Объявили тут властям да оны сельским;
Приходили писаречки хитромудрын,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать,² —

¹ Т. I, стр. 279.

² Там же, стр. 261.

как случилось, что одна только она спаслась? Не потопила ли она утонувших? и т. д.

Протокол допроса отправляется «по инстанции», и несчастная девушка ждет приезда станового, она не знает за собой вины, но не уверена в исходе следствия:

Как приеде становой да все начальничек,
Он куды кладет победную головушку,
Меня сошлют со родимой, може, родимки,
Буду странствовать, бедна, слезно плакать,
Уж как я бедна, кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по позорам,
По допросам-то пошла да по велкимим.¹

Приезжает становой, и допросы начинаются заново. Против ожидания становой верит девушке и прекращает следствие. Это воспринимается как чудо.

В другом плаче «Об упрясливой головушке» (№ 19) исход следствия также благополучен, но оскорбительно для вдовы само подозрение в отравлении покойного. Вдове кажется неожиданным и странным, что исправник

Не страшал... победну, — не полохал,

что он «рассудил по-хорошему» и т. д.

Та же тема «глумления» над несчастьем звучит в рекрутских причитаниях. «Начальство» не понимает происходящего в душе рекрута и провожающих, оно не дает им даже проститься при расставании:

И нам не дали-то судый неправосудным
И расставаться столько времечки на двá часа
И постоять да нам победным подумать —
И посоветовать с любимыма семеюшкам;
И как лучиночку скорошенько сломили,
И так в поход бедных солдатом снарядили.²

Они не дают проститься с родными и солдатам, отправляющимся в поход.

И как на нас да на победных головушек
И быдто белочки солдатушки поглядяют,
И быв упáлы серы закушки посматривают,
И не посмиют-то удáлы добры мблодны
И с ноги на ногу они да все переступить
И скинуть лених несчастных своих бчушек.³

¹ Т. I, стр. 261.

² Т. II, стр. 138—139, то же, стр. 17 и др.

³ Там же, стр. 33.

Федосова рассказывает о возмутительном случае бессердечного издевательства над горящими женами и матерями, произошедшем в Петрозаводске:

И поблизешеньку ведь нас не подпускают,
И как злодии — командиры скрозекозныи;
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах,
И нет креста-то ведь у их да на белой груди;
И немоготу им умильно причитанье,
И им по сердцу горячи наши слезушки;
И как приставлены судьи да все немилосливы,
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над нама-то оны да надрыгаются;
И как начальнички стоят да там не русскии,
И как судышечка ведь там не новгородскии;
И велят оны из труб да все пожарных
И нас окачивать победных головушек,
И все тушить пожар в ретливых сердечушках.¹

Воспоминание об этом случае вызывает у Федосовой взрыв негодования, который соединяется вместе с тем с характерным призывом к богу:

Ох, тошнехонько победным нам головушкам;
И немоготу, нам се-светное живленьице
И от этих властей да страховитных,
И все от этих судей да скрозекозных,
И суди, господи, злодиям супостатым,
И за их тяжкии велики беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробнии,
И ты узри да наши слезы горегорькии!²

Начальство глумится не только над горем провожающих, не менее бессердечно оно и по отношению к солдатам. Прогоняя их «мимо палату генеральскую», приказывают петь веселую песню.

И столько днется солдатушкам несчастным,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка;
И впереди идут все дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщицки,
И среди да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слезы поют жалку оны писенку.
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногами-то выступают,
И ретливо сёрдчѐ ведь кровью запечатано.³

¹ Т. II, стр. 32.

² Там же.

³ Там же, стр. 34.

«Командеры» не верят, что солдаты и их родные переживают свое горе так же, как и все остальные люди:

И все не вилят-то судьи неправосудны,
Не разумиют все власти немилосерды,
Што нам жаль-тошно сердечных милых детушек!¹

Это беглое замечание Федосовой делает честь ее уму и наблюдательности. Утверждая устами старосты, что

Едины да все у бога люди созданы,²

она отмечает, что «судьи неправосудные» не только сознательно используют в корыстных целях горе крестьянина, бесчеловечно глумятся над ним, они — люди иного мира, не понимают и не способны понять горе крестьянина.

Итак, тема «глумления начальства над крестьянским несчастьем» пронизывала значительную часть текстов Федосовой. Социальное осмысление этого глумления заставляло ее негодовать на бесчеловечность «судей неправосудных», стремящихся поживиться за счет горящих, не понимающих и не желающих понять, как оскорбляют они тем самым их чувства. Трагическая сила этой темы в творчестве Федосовой, так чутко уловленная Некрасовым, заключалась не только в показе того, как социальный враг безжалостно наносил еще один удар в самые тяжелые для крестьянина минуты, но и в самом понимании того, что взаимопонимание между «судьями скрозекозными» («командерами») и народом по существу невозможно.

Г Л А В А 6

Как было показано в предыдущих главах, творчество Федосовой широко отразило взаимоотношения олонецкого крестьянства с представителями губернской бюрократии и воинских властей второй половины 60-х гг. XIX века. Эти представители (да и сама власть) рисуются в ее творчестве в виде единой социально-враждебной силы. Сталкиваясь с ними, «крестьянский мир» выступает тоже как единая сила (например, «Плач о писаре»). Антагонизм крестьян и государственной власти был ведущим,

¹ Т. II, стр. 56, то же, стр. 33 и др.

² Т. I, стр. 285.